

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА**Морозова Маргарита Евгеньевна**

канд. филол. наук, доцент кафедры германистики и межкультурной
коммуникации, профессор

Пятигорский государственный лингвистический университет
г. Пятигорск, Ставропольский край

АКТУАЛЬНЫЙ ФОРМАТ ТЕКСТА ЦЕЛЕВОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Аннотация: в статье раскрывается понятие текста целевого назначения, содержащего общественно значимое содержание и его оптимальный формат. Такой формат обосновывается гарантией эффективного воздействия с целью осуществления социальной коммуникации в современном обществе.

Ключевые слова: социальная коммуникация, риторическая модальность, оптимизация коммуникативных процессов, риторика, прагматика, текст целевого назначения.

Основой общества признаются коммуникативные процессы, которые подвержены регулярным трансформациям, обусловленным изменениями внутреннего и внешнего характера, как самого общества, так и составляющих его элементов. Считается, что такие изменения оптимизируют формы подачи актуального содержания всех смысловых взаимодействий, имеющих социальную направленность. На примере трансформаций, произошедших в риторике на момент появления письменных текстов, показана необходимость новых форматов, обусловленных новой прагматикой речи.

Риторика как часть античного тривиума (логика, грамматика, риторика) очень скоро охватила все общественные сферы, обозначив всеобщность риторической культуры. В период окончания Римской республики свое политически центральное положение теряет и риторика, сохранив в средние века свое присутствие лишь в качестве одного из элементов школьной культуры под контролем церкви. Такое обновление риторики сопровождается кардинальной сменой ее функций.

Великие события этого периода – изобретение книгопечатания, распространение культуры чтения и письма – имели большое культурное значение, ликвидировав неграмотность и распространив культуру чтения про себя. Устное слово теперь стало доступным, как в устной, так и в письменной форме.

Аристотелевская логика необходимости на основе выстраивания правильных силлогизмов и дедуктивных умозаключений уступила приоритет цicerоновской логике вероятности, учитывающей этику и «нужную форму» речи. Оратор теперь привлекал внимание не просто как грамотный человек, а как авторитетный оратор, прошедший соответствующее обучение. В дополнение к самой речи уже значение получает сознательное («компетентное» в современных терминах) использование искусства риторики, когда способность постигать сопровождается способностью оценивать формы и структуры речи как оформленного текста.

Освоение красноречия письменного текста потребовало исследования грамматики языка, изучения исторических и культурных реалий, рассмотрения жанровых и стилевых форм письменных произведений. А риторический фон устной речи а priori обеспечивал риторическую отмеченность письменного текста, поскольку невозможно было просто фиксировать устное высказывание на бумаге. Лексический, грамматический и синтаксический уровни функциональной структуры письменного текста позволяли выявлять интенцию автора, формируя тем самым цельную текстовую структуру. Ее образовывало единство двух форм: внешне языковое образование предъявляло объективную форму, внутренняя смысловая форма являла собой авторскую субъективность.

Следующим шагом развития культуры письменного текста явилась типологическая система текстов, объединившая типы текстов в их функциональной обусловленности. Поскольку Ю.М. Лотман [7, с. 179] общим местом устных и письменных текстов называл риторическую структуру (а она вносится извне, являясь его дополнительной упорядоченностью), в письменных текстах уже стала развиваться риторическая отмеченность как целых текстов, так и их отдельных частей. Принцип такой культурной организации, когда новая ступень смысловой

иерархии уже не может быть выражена средствами предшествующей ступени, становится постепенно основой самой культуры, способной транслироваться и воспроизводиться. Он развивает «технологический» характер риторики и придает ей практическую направленность. Теперь риторика получает направленность на массовую аудиторию, нуждающуюся в современном мире в управлении. Письменный текст теперь – самостоятельное, замкнутое на себе семиотическое образование, получающее целостное смысловое значение, обладающее нерасчленимой функцией, работающей на риторический код культуры. При этом, все части цельного текста имеют разную степень риторической нагруженности (например: заголовок, начальная и конечная позиции текста).

Принцип демократического общества предполагает актуальной формой взаимодействия общества обсуждение злободневных вопросов, что допускает высказывание критического мнения по поводу. Здесь риторика выступает принципом возведения слова на службу гражданских позиций, организуя тем самым риторическую, а по сути, коммуникативную форму гражданского взаимодействия по выработке системы соответствий в гражданском обществе. Такая риторическая коммуникация делает любое изречение не повторяющимся, а единичным высказыванием с использованием эмоциональных средств разной силы. Сила их определяется личными побуждениями либо влиянием определенных социокультурных установок. М. Фуко [11, с. 108] «назначает» такому единичному высказыванию определенную модальность. Разделы классической риторики – инвенция, диспозиция и элокуция – получают в терминах модальности трактовку как: модальность знания и модальность мнения. Рассматривая риторику средством убеждения, мы тем самым определяем модель коммуникации «риторической». Такая модель являет собой взаимодействие риторически организованных текстов, наделенных модальностями знания и мнения.

Понятийная категория модальности включает потребности и способности говорящего человека придавать своим высказываниям разного рода модальное сопровождение. То есть любой факт знания становится зависимым от сопровождающего его отношения говорящего, а организованная убедительность является собой взаимодействие структур знания и мнения.

Так, уровень синтаксических структур, по Н.М. Вахтель, воспринимается речевыми актами постулируемого знания – как аргументы (простые повествовательные предложения), а речевые акты мнения – как синтаксические структуры логического вывода, обещаний, рекомендаций, эмоционального воздействия или другого побуждения [3, с. 6].

Категория модальности исследуется в работах российских лингвистов Г.В. Колшанского [6], В.З. Панфилова [8] и др. Чешский лингвист Е. Беличова-Кржижкова рассматривает модальность как основу для интерпретации предметного содержания высказанного предложения с точки зрения говорящего [2, с. 54]. Это предметное содержание может определяться как фактическое, возможное, желаемое, необходимое. А, по сути, это только субъективный момент субъективной интерпретации той действительности, которую конструирует говорящий на основе его индивидуальных особенностей в ее восприятии. Причем в одних текстах Е.Е. Анисимова говорит о доминирующей или единственно возможной объективной оценочности, как в научных и деловых текстах, в других же случаях о личностной, индивидуальной оценочности как в художественных, рекламных или политических текстах [1, с. 30]. В.З. Панфилов обозначает объективную модальность онтологической, поскольку она отражает наличествующие (т.е. объективные на данный момент) связи, выявляемые в процессе познавательного акта [8, с. 39]. Оценку познанного говорящим воспринимают субъективной модальностью, поскольку она, на самом деле, отражает всего лишь степень познанности выделенных говорящим связей. Г.В. Колшанский *a priori* не признает истинности высказанной мысли, что тем самым подтверждает условность определения семантики модальности как объективной или субъективной [6, с. 95].

Мы принимаем условность объективности (даже научной, имея в виду обусловленную логику), соответственно, принимаем и ограничение той степени достоверности, которая выражена в высказывании модальностью знания и мнения.

В современной социальной коммуникации мы отмечаем следующие характерные особенности:

- социальная действительность не может рассматриваться объективным фактом без указания определенных рамок речевого акта с его предикативными категоризациями [15, с. 218];

- социальная коммуникация подвержена конструированию с целью установления социальной действительности более или менее стабильного характера [15; 17];

- социальная коммуникация подвержена управлению посредством фундаментальных постулатов, а индивиды принимают их как естественные установки (теория Шюца [12]);

- для социальной коммуникации характерны демократизация языка [10], следование речевой моде и сознательный отход от литературно-языковой нормы [4].

По К.Р. Вагнер, компетенция различения модальности знания и мнения присуща адаптированному в социальной среде индивиду в разной степени. [16, с. 66] Целесообразное их применение, т.е. способность комбинировать модальности, повышает степень воздействия самих комбинаций. Таким образом, получивший свое развитие в классической риторике принцип целесообразной речи призван «усовершенствовать» исторический опыт, обновив средства и способы воздействия на получателей информации и, соответственно, существенно повысив эффективность речи, привлекая известные модальности на службу воздействия.

На сегодняшний день выделилось несколько сфер бытования комбинаций модальностей, имеющих специфичный характер, в свою очередь зависящий от функциональной направленности текстового конструкта. Социально дифференцированные тексты оперативно применяют «кванты» воздействия, образуя

функционально различающиеся совокупности текстов, имеющих целевое назначение. Условием конституции социально дифференцированного текста выступает «соотношение количества и качества информации по принципу конверсационных максим» Грайса [13] или «правилу искренности» Дж. Серла [14, с. 97]. Модальность убеждающей направленности, развитая нормами устной риторики, получает спецификацию в письменной форме (например, применение особых средств синтаксиса с целью выражения сложных логико-смысловых связей). Помимо этого, письменную речь делят на абзацы с целью выстроить строгую взаимосвязанность предшествующего и последующего контекстов и создать четкую структуру и формальную организацию содержания. Система нумерации страниц, деление информации на разделы, параграфы, система ссылок, шрифтовые выделения и т.д. – все это актуальные средства риторической отмеченности письменного текста. Розеншток-Хюсси [9, с. 76] характеризовал такой текст как имеющий надежду «на продолжительный эффект, на то, что его слова не исчезнут вместе с моментом, а окажутся способными продлить свое существование».

Модальность убеждающего императива в исследовании П.М. Зекиевой [5] представлена, например, заголовочным комплексом как способом создания риторической модальности, определяющей в публицистическом тексте задаваемое или рекомендуемое направление его «правильного» прочтения. Заголовочный комплекс рассматривается в исследовании единицей использования языка, имеющей функциональную завершенность и наделенной значением социального действия в процессе воздействия на адресата информации. Важнейшей характеристикой любой единицы языка определяется «понятность» как соответствие более или менее константным нормам социальных действий. Это исследование в сфере социальной (массовой) коммуникации представило публицистику организованной системой риторически отмеченных текстов, предлагающих объективно-субъективное отношение к событию и миру с целью воздействия на читателя и убеждения его заданным направлением смысла и линейной последовательностью речевой деятельности. Речь-текст целевого назначения, развивающий силу убеждения на основе авторской позиции, имеющий заданный вектор

понимания, осуществляет сегодня публичную социальную коммуникацию, приоритетная цель которой – установление и сохранение стабильным определенного социального порядка. Так, риторика на службе прагматики получает иную форму своего актуального существования – в конструктах риторической модальности.

Таким образом, риторика от классической установки «говорить красиво» трансформировалась в современную установку «говорить убедительно», оперируя модальностями знания и мнения, и сузила сферу риторически значимого, конструируя действительность по целевому назначению.

Подводя итог нашим рассуждениям, мы можем говорить о видоизменяющихся форматах тех материальных условий, в которых в настоящее время предъясняется общественно значимое содержание. Речевое событие облекается в «нужную» форму актуального взаимодействия знания и мнения, оптимизируя коммуникативные процессы в обществе. Лингвистические средства призваны придать этому взаимодействию убеждающую направленность, называемую нами риторической модальностью как формат текста целевого назначения с гарантией эффективного воздействия и заданного (проектируемого) понимания.

Список литературы

1. Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизированных текстов) [Текст] / Е.Е. Анисимова. – М.: Академия, 2003. – 128 с.
2. Беличова-Кржижкова Е.О модальности предложения в русском языке [Текст] / Е. Беличова-Кржижкова // Актуальные проблемы русского синтаксиса. – М.: Просвещение, 1984. – 64 с.
3. Вахтель, Н.М. Высказывание в позиции газетного заголовка: семантика и прагматика [Текст] / Н.Т. Вахтель: Дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2005. – 271 с.
4. Володина, М.Н. Проблема информационно-языковой культуры в современном обществе [Текст] / М.Н. Володина // Журналистика и культура русской

речи на переломе тысячелетий: Рабочие материалы. – М.: Изд. МГУ, 2002. – 20-33 с.

5. Зекиева, П.М. Заголовочный комплекс как технический конструкт риторической модальности в немецкой публицистике: Автореф. диссер. на соиск. уч. степени канд. филол. наук [Текст]. – Пятигорск: ПГЛУ, 2012. – 24 с.

6. Колшанский, Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности [Текст] / Г.В. Колшанский // ВЯ, 1961, № 1 – с. 94-98.

7. Лотман, Ю.М. Избранные статьи [Текст] / Ю. Лотман. – Таллин: «Александра», 1992. – 479 с.

8. Панфилов, В.З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения [Текст] / В.З. Панфилов // ВЯ, 1977, № 4 – с. 36-48.

9. Розеншток-Хюсси, О. Речь и действительность [Текст] / О. Розеншток-Хюсси. – Москва: «Лабиринт», 1994. – 213 с.

10. Солганик, Г.Я. О языке и стиле газеты [Текст] / Г.Я. Солганик // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов. Под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – с. 471-479.

11. Фуко, М. Археология знания [Текст] / М. Фуко // Перевод с фр. / Общ. ред. Бр. Левченко. – К.: Ника-Центр, 1996. – 208 с.

12. Шюц, А. Структура повседневного мышления [Текст] / А. Шюц // Социологические исследования. – 1988.- № 2. – с. 129-137.

13. Grice, P. Logik und Konversation [Текст] / P. Grice // In: Meggle, G (Hg.) Handlung, Kommunikation, Bedeutung, – Frankfurt/Main, 1979. – SS. 243-266

14. Searle, J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language [Текст] / J.R. Searle. - London: Cambridge University (1969). deutsch: Sprechakte: Ein sprachphilosophischer Essay. Übersetzt von R. und R. Wiggershaus. Suhrkamp, Frankfurt a.M. 1971.

15. Schmidt, S.J. Das Kommunikative Handlungsspiel als Kategorie der Wirklichkeitskonstitution [Текст] / S.J. Schmidt // In: Grammatik, Kybernetik, Kommunikation (hrsg. Von K.G. Schweisthal). – Bonn, 1971. – PP. 215-227.

16. Wagner, K.R. Pragmatik der deutschen Sprache [Текст] / K.R. Wagner. – Frankfurt a / Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2001. – 495 S.

17. Watzlawick, P. Wie wirklich ist die Wirklichkeit [Текст] / P. Watzlawick. - Wahn, Täuschung, Verstehen.- München / Zürich, 1976. – 252 S.